

Глава 130. Ночь фейерверков

После бедствия, случившегося три года назад, жители области Цянькунь каждый год в этот день сами зажигали цветочные фонари и запускали фейерверки, празднуя то, что страдания остались позади. В этот же день заклинатели с других материков Люхэ приезжали посмотреть на празднество, так что уже с самого вечера длинная улица области Цянькунь была забита людьми.

Среди шумного ночного рынка, в трактире напротив, на втором этаже, Янь Цунси и Е Чжэнвэнь пили вино.

Они сидели у окна, а позади них теснились две огромные пушистые головы. Перед каждым зверем стояла миска, и оба с огромным усердием уплетали мясо.

Янь Цунси скользнул взглядом по серебристому тигру и алому огненному тигру и с некоторой беспомощностью заметил:

— Всё-таки демоническим зверям не слишком полезно постоянно такое есть.

— Ау-у~ — за последние годы серебристый тигр раздался и вширь, и ввысь, и теперь, будто поняв недовольство Янь Цунси, жалобно завыл.

Алый огненный тигр тоже заметно вырос; мускулы у него теперь были красивыми и чёткими, и от того мягкого детёныша, каким он был три года назад, почти ничего не осталось.

Е Чжэнвэнь, однако, был не в духе и лишь вяло кивнул:

— В следующий раз не дам им этого есть.

Увидев, что его шумный племянник вдруг так переменился, Янь Цунси, наоборот, оживился. Он быстро перебрал в голове всё, что произошло в последние дни, и не удержался от смешка:

— Я слышал, девочка из дома Шэн Жолия ушла в затвор к главе Му из секты Хуаньюнь, чтобы учиться изготовлению лекарств?

Выражение лица Е Чжэнвэня стало неловким:

— Дядя, зачем вообще о ней говорить?..

— Разве ей не нравился тот парень из Цзэяна? — Янь Цунси потёр подбородок и с самым серьёзным видом продолжил выуживать сплетни. — Три года гонялась за ним без толку.

Неужели наконец сдалась?

— ...Почём мне знать, — скривил губы Е Чжэнвэнь.

Увидев, до чего тот выглядит одновременно потерянным и жалким, Янь Цунси не удержался и поддел его:

— А ты не мог бы выбрать себе кого-нибудь другого?

Е Чжэнвэнь уже давно признался Янь Цунси, что любит Шэн Исюэ, а тот, со своей стороны, и сам не раз как бы невзначай заводил об этом речь при Шэн Жолине.

Оба старших, разумеется, были бы только рады, если бы их семьи породнились. Но Шэн Исюэ оказалась слишком упрямой и целых три года неотступно держалась рядом с Сун Цзиньяо. Лишь совсем недавно, неизвестно почему, она вдруг отказалась от этой затеи и повернулась к нему спиной, отправившись в секту Хуаньюнь учиться.

Стоило Янь Цунси спросить об этом, настроение Е Чжэнвэня испортилось ещё сильнее:

— Сегодня можно не говорить о госпоже Шэн?

— Ладно. Тогда о чём ты хочешь поговорить? — Янь Цунси ужасно забавляло наблюдать, как мучается его племянник. Развеселившись, он снова налил себе вина и уже собирался осушить чашу одним глотком.

— И сколько ты уже выпил? — Е Чжэнвэнь нахмурился, глядя на сердце Янь Цунси, которое когда-то пронзил Цзян Чаньюань. — Старые раны больше не болят?

Янь Цунси замер с чашей на полпути.

В последние дни его и правда время от времени ноюще тянула старая рана. Услышав слова Е Чжэнвэня, он тут же заставил себя поставить чашу обратно на стол.

— Всё, не пью. Я пошёл.

Каждый раз, когда старая рана давала о себе знать, настроение у него потом надолго портилось. Обычные люди не рискнули бы нарочно задевать его этим, но Е Чжэнвэнь не боялся вообще ничего.

Племянник вырос — и даже бить его теперь стало уже не так удобно.

Е Чжэнвэнь и сам не ожидал, что одной фразой сумеет так легко спровадить дядю. Он с некоторым недоверием смотрел, как тот в зелёных одеждах, выпрямив спину, быстро спускается вниз, а потом не удержался и тихо расхохотался.

— Ха, так, значит, дядя и такое слышать не любит?

Он с удовольствием налил себе чашу вина, а потом вспомнил, что сегодня Хуай Чэнъинь, кажется, тоже приехал в область Цянькунь, и небрежно отправил ему весточку духовной птицей.

Хуай Чэнъиню в эту минуту было не до послания Е Чжэнвэня.

Пока он покупал фонарь, ему почудилось, будто он видел Сун Цзиньяо.

С тех пор как три года назад область Цянькунь была распечатана, они больше не встречались. И вот теперь, увидев его снова, Хуай Чэнъинь понял: от прежней свободной и красивой уверенности в Сун Цзиньяо почти ничего не осталось. Напротив, вид у него стал ещё более подавленным и измученным, во всём чувствовалась какая-то усталость.

Если вспомнить редкие вести, доходившие до него прежде, выходило, что Шэн Исюэ отправилась в секту Хуаньюнь заниматься лекарским делом именно потому, что Сун Цзиньяо, окончательно махнувший на себя рукой, довёл её до такого решения. Чем больше Хуай Чэнъинь об этом думал, тем сильнее ему хотелось догнать его и как следует поговорить.

Но Сун Цзиньяо исчез слишком быстро, и нагнать его не удалось. Зато он столкнулся с другим знакомым.

Это был Ци Е.

Среди людского потока юноша, отвергнутый родом Ци, улыбался так беззаботно, а рядом поддерживал худого бледного мужчину. Они прошли по другой стороне длинной улицы, о чём-то разговаривая, и оба выглядели удивительно спокойными и расслабленными, словно жили теперь совсем неплохо.

— ...Что же это такое, неужели сегодня все решили съехаться в область Цянькунь?

Он ещё какое-то время смотрел им вслед, пока они не скрылись, и лишь потом медленно отвёл взгляд.

Не сумев найти Сун Цзиньяо, он наконец вспомнил, что Е Чжэнвэнь присылал ему послание. Ярко-фиолетовая духовная птица всё это время трещала у самого уха без умолку. Хуай Чэнъинь просто протянул руку и распечатал письмо.

Там был адрес и короткая фраза: «Быстро сюда пить».

— У этого Е Чжэнвэня у самого манеры после выпивки хуже некуда, а ещё зовёт меня пить? — Он взмахом руки развеял духовное послание и брезгливо закатил глаза.

Если в этом мире у кого и был самый ужасный нрав после вина, то Е Чжэнвэнь точно занимал бы первое место, и спорить тут никому бы не пришло в голову. Сам он вечно хвастался, что может выпить тысячу чаш и не опьянеть, и, надо признать, пил он и правда много. Но если всё-таки перебирал, начиналось настоящее бедствие.

Молодой господин то принимался строить из себя невесть какого богача, то приставал к прохожим, а порой ещё и выпускал Да Бая пугать людей. Каждый раз после этого приходилось разгребать за ним беспорядок — сплошная головная боль.

Но как бы Хуай Чэнъинь ни ворчал, с друзьями всё равно нужно было видаться. Поэтому он пошёл сквозь людской поток к трактиру, о котором писал Е Чжэнвэнь. По дороге ему навстречу непрерывно шли люди с фонарями в руках.

Когда он дошёл до окрестностей павильона Шаньхай, в небе вдруг с грохотом разорвалось несколько залпов. Стоило поднять голову, как на чёрном небосводе распустился ослепительный фейерверк, а за ним сразу выстрелили бесчисленные другие, и всё небо превратилось в поразительно прекрасную картину.

— Уже так поздно...

Он остановился и посмотрел вверх. Свет и тени беспрестанно менялись на его лице вместе с расцветавшими и гаснущими фейерверками.

Постояв так довольно долго, он наконец отвёл взгляд и уже хотел идти искать Е Чжэнвэня, как, обернувшись, налетел на высокую человеческую фигуру.

Тот человек был выше него почти на полголовы, а широкие плечи и крепкая фигура делали его даже немного пугающим.

Но лицо у него было такое, что рядом с ним Хуай Чэнъиню становилось спокойно.

— Брат Сян Син! — воскликнул Хуай Чэнъинь, искренне обрадовавшись. Сегодня в области Цянькунь он и так встретил уже многих знакомых, но снова увидеть Сян Сина всё равно никак не ожидал.

Он несколько раз оглянулся по сторонам и с надеждой спросил:

— Господин Линь... господин Фу и Сяо Бай тоже вернулись?

Имени молодого господина Цзяна он не произнёс.

В тот день, когда Фу Линцзюнь унёс Сяо Бая искать Му Фаньюаня, а на месте осталась только одежда молодого господина Цзяна, Хуай Чэнъинь уже догадался, в чём дело.

Тогда, в самом начале, появление молодого господина Цзяна и без того было слишком странным. Потом Фу Линцзюнь сказал, что Сяо Бай, съев тяньвэйжуй, уснёт очень надолго, и с тех пор молодой господин Цзян и Сяо Бай больше никогда не появлялись одновременно.

А если ещё вспомнить, как при их первой встрече молодой господин Цзян с привычной лёгкостью уселся Фу Линцзюню на руки, да и сам Фу Линцзюнь тогда прямо сказал, что молодой господин Цзян — его человек, — все сомнения исчезали сами собой.

— Давно... не виделись, — Сян Син тоже очень обрадовался встрече с Хуай Чэнъинем. На его несколько туповатом лице медленно расплылось улыбчивое выражение. — Хозяин, Сяо Бай, вместе, вернулись.

Он поднял руку и указал на самый верх павильона Шаньхай:

— Там.

Хуай Чэнъинь никак не ожидал, что Фу Линцзюнь заберётся смотреть фейерверки в самую высокую точку области Цянькунь. Но полёты над областью были запрещены, так что подняться к ним и поздороваться он всё равно не мог.

— Вернулись — и хорошо...

Он понимал: нынешний Фу Линцзюнь уже не тот прежний Линь Шэн, а потому и обращаться с ним по-дружески, как раньше, уже не слишком уместно. Поэтому он только спросил, как у них дела:

— А Сяо Бай как?

Сян Син не понимал, почему Сяо Бай так любит спать, зато знал, что с ним всё хорошо. Он чувствовал, что сила внутри Сяо Бая становится всё больше, и потому кивнул:

— Хорошо.

Они не виделись очень давно, а в прошлом были в хороших отношениях, так что под

фейерверками, расцветавшими над павильоном Шаньхай, невольно разговорились.

И вдруг посреди разговора Хуай Чэнъинь словно что-то вспомнил и достал из жемчужинах яшмовую подвеску, продетую в шнурок с кистью.

Яшма была прозрачная, чистая, а на ней тонкой резьбой были выведены два переплетённых в полёте феникса.

Он сказал:

— Я нашёл её тогда в обители Десяти Сторон. Народу было слишком много, и на глазах у всех я не мог расспрашивать, так что пришлось сперва забрать её себе. Думал, при следующей встрече верну её господину Фу, да только ждать пришлось целых три года... Передай ему за меня.

На самом деле Хуай Чэнъинь прекрасно знал, что с какого-то момента эта подвеска висела у молодого господина Цзяна на шее. Но он не хотел прямо говорить, что уже догадался: Цзян Тан и Сяо Бай — один и тот же человек. Поэтому и сказал лишь, что возвращает её Фу Линцзюню.

Сян Син, разумеется, сразу узнал эту подвеску.

Он принял её и кивнул:

— Спасибо.

— Да за что тут благодарить? Мы же друзья, — сказал Хуай Чэнъинь и тут же невольно поджал губы.

Он несколько раз посмотрел на Сян Сина, будто хотел что-то сказать, но не знал, как начать.

В конце концов он словно решился, глубоко вздохнул и спросил:

— Я ведь правда где-то уже видел тебя. Не сейчас, а очень давно, верно?

В голове у Сян Сина мелькнули какие-то обрывки.

Словно выжженная дотла земля, над которой от гор трупов и моря крови поднимался белый дым. Словно он видел самого себя с лицом, искажённым потрясением и болью. И ещё мёртвого совсем маленького ребёнка.

Лица ребёнка он разглядеть не смог, увидел только милый пучок волос и вплетённую в него бабочку из травы.

— Я... я не... помню, — выражение лица Сян Сина сделалось мучительным.

Стоило ему попытаться ухватить хоть какие-то картины прошлого, как голова начинала раскалываться. Но ему очень хотелось ответить Хуай Чэнъиню, и оттого, что он не может вспомнить, Сян Син тревожился только сильнее.

— Я правда... не могу... вспомнить.

Он хотел сказать: пусть Хуай Чэнъинь ещё немного подождёт. Когда он всё вспомнит, то обязательно обо всём ему расскажет. Но он слишком спешил; а говорить ему и без того давалось тяжело, так что в волнении слова совсем перестали складываться.

— Ничего, ничего, — Хуай Чэнъинь машинально положил руку на его предплечье, успокаивая. — Если не можешь вспомнить, это не страшно. Я... я просто чувствую, что это, возможно, как-то связано с тобой... но те вещи... они ведь даже не совсем мои воспоминания.

Ладонь, лежавшая у него на руке, была тёплой.

Всё тело Сян Сина было холодным, и потому эта температура показалась ему почти обжигающей.

Он опустил взгляд на эту руку, а Хуай Чэнъинь почему-то вдруг тоже смутно ощутил, что что-то не так, и поспешно отдернул ладонь.

— Мне ещё нужно кое-куда, я пойду! — он кашлянул и неловко потёр нос. — Е Чжэнвэнь ещё ждёт, чтобы выпить со мной. До встречи в следующий раз!

Сян Син моргнул.

И только много позже, когда человек перед ним давно растворился в бескрайнем людском море, он запоздало пробормотал:

— До встречи.